

ВИКТОРИЯ СКЛЯР

A dramatic movie poster for 'Черная кровь' (Black Blood) featuring Victoria Sklyar. She is depicted from the chest up, wearing a dark, ornate, lace-trimmed cape. Her long, dark hair is flowing, and her eyes are a striking red. She holds a swirling mass of dark, viscous liquid in her outstretched hand, from which a single, large, faceted red gemstone is emerging. The background is a dark, stormy sea with a large, gothic-style castle perched on a rocky island in the distance under a cloudy, sunset sky. The entire scene is framed by a decorative border of red, thorny vines. In the corners of the poster, there are faint, ethereal portraits of other characters. The title 'Черная кровь' is written in a large, elegant, white serif font at the bottom, with red blood-like splatters dripping down from the letters.

Черная КРОВЬ

Виктория Склад

Черная кровь

«Автор»

2026

Скляр В. В.

Черная кровь / В. В. Скляр — «Автор», 2026

Арабелла умеет разговаривать с мёртвыми и уже полгода скрывается в Морхолде, стараясь забыть дворец, откуда сбежала в детстве. Но когда дух утонувшей девушки предупреждает её о древнем проклятии, Арабелла оказывается втянута в расследование исчезновений. Ей помогает Аэннор - человек, который когда-то защищал её, а потом исчез, оставив одну среди жестокости двора. Теперь он вернулся, чтобы забрать её во дворец. Туда, где умирает король. Где её магия медленно исчезает. Где мать-Повелительница Мёртвых оставила проклятие, способное уничтожить весь королевский род. Аэннор должен подчиниться приказу. Арабелла ненавидит его за прошлое. Но что, если только он способен спасти её от собственной крови. Чтобы разрушить проклятие, Арабелле придётся выбрать: довериться человеку, который однажды её предал, или стать новой хозяйкой мёртвых. *обложка временная

© Скляр В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктория Скляр

Черная кровь

Глава 1

Городок Морхолд лепился к скалистому берегу, как извилистый червь, выбравшийся на поверхность в дождливую погоду. Дома из серого, почти бесцветного камня, узкие улочки, что часто заводили путников в тупики пахли рыбой и гниющими водорослями. Вечный шум прибоя сопровождал жителей как надоедливая, брюзжащая старушка, что постоянно просила подать милостыню или купить свежие рыбы потроха.

Здесь редко солнце освещало избитые колдобины дорог - только туман, соль и бесконечная морось, пропитывающая одежду до нитки.

В самом центре этого промозглого места, между лавкой торговца рыбой Гастека и домом повитухи Мирты стояла мастерская гробовщика Эдвина.

Снаружи она выглядела несколько блекло - вывеска с выцветшим изображением трех сосен и тяжелая дубовая дверь, с перекошенными сверху петлями.

Дверь поддавалась не сразу, оглашая всю мастерскую скрежетом и воем.

Я уже две недели просила старика смазать петли, но он почему-то каждый раз игнорировал мои просьбы.

Внутри было темно и сыро. Здесь пахло воском, затхлостью и чем-то неуловимо сладким, тем, что въелось в эти стены задолго до меня.

Старик Эдвин сидел за своим рабочим местом, доводил до совершенства гроб для рыбака, которого несколько дней назад выловили в море.

В такие моменты Эдвин выглядел, словно искусный мастер, отсекая лишнее и придавая дереву его изящную, мертвецки симметричную форму. Стружка и опилки облепили черный фартук, создавая свой уникальный, зловещий узор.

Старик плохо слышал, потеряв остроту слуха еще двадцать лет назад, однако на мое появление реагировал всегда мгновенно.

Осунувшее, худое лицо, покрытое множеством морщин резко повернулось в мою сторону. Глаза цвета охры чуть подернутые усталостью осмотрели с ног до головы.

Узкие губы старика, испещренные множеством рыхлин и углублений напряглись, разочарованно изгибаясь. Рубанок был медленно отложен в сторону.

Кустистые серебристые брови недовольно нависли, сдвигаясь ближе к высокой переносице.

– Ты не спала, – раскатистое дребезжание голоса никак не подходило к щуплому и едва дышащему телу Эдвина. – Под глазами круги.

Я скривилась, понимая, что этот трухлявый коршун снова завел свою шарманку. Он будто надоедливая сова, что громко ухала над ухом, предрекая скорую смерть.

– Ко мне приходил Кристофер, – вынужденно призналась я, ставя сумку на свой маленький столик.

Он стоял прямо в углу комнаты, аккуратно напротив окна, позволяя мне смотреть на бушующие волны моря, что с силой бились о берег.

– Что хотел?

Я достала сверток и раскрыла его, медленно перебирая инструменты. В мои обязанности как помощницы гробовщика входило омыwać тела мертвецов, проверка инструментов и воска, ведение документации, а также общение с неупокоенными душами, передавая последние слова безутешным родственникам.

Эдвин стал зарабатывать на моей силе достаточно, чтобы я могла перестать ютиться на чердаке его мастерской и наконец-то позволила себе снять небольшую комнатку.

Моя сила некроманта подразумевала не только «видение» большего, но и возможность воскрешения с помощью жертвы крови. Но пока Эдвину хватало и простого трепя для вдовствующих, которые были готовы щедро раскошиться.

– Просил передать своей жене, что закопал несколько пригоршней медяков и серебра, – устало пояснила я, протирая свой хрустальный шар.

На самом деле этот атрибут был мне не нужен, но Эдвин считал, что так моя сила меньше пугала наших клиентов.

Слава Юрзе - Богу Богатства, что в Морхолде окружающим было в целом плевать на меня и проклятость моей магии.

– Сходи к его вдове, возьми с нее плату и передай сообщение, – сухо сказал Эдвин, продолжая ворковать над гробом.

В первые несколько месяцев это зрелище меня даже немного напрягало, но Эдвин был терпеливым и в некоторой степени бесстрастным. Он делал свою работу, получал плату и дальше его ничего не заботило.

– А после вернись домой и поспи, – строгий наказ мужчины стал нечто вроде традиции.

Эдвин в последнее время стал считать меня кем-то вроде своей хворающей внучки. Постоянно напоминал о еде, приносил засоленную рыбу, а еще ворчал, если я приходила на работу невыспавшейся.

– Неупокоенные стали активнее, – призналась я, медленно перебирая заговоренные в церкви Некрополиса бусины. Черные, отполированные до зеркального блеска камни были нанизаны на нить, которую я обычно носила как браслет.

Это был подарок бабушки, последний дар при переходе во взрослую и самостоятельную жизнь, когда я покинула дворец отправляясь в странствия.

Бабушка так и не простила мне то, что я уехала, считая, что это слишком опасно. Я была последним наследием их семьи, поэтому решила не принимать близко к сердцу то, что королева Некрополиса не пришла попрощаться. У нее всегда были проблемы с выражением привязанности, но я привыкла, понимая, что в глубине души старушка меня любит.

– Мертвецов становится больше, – тихо сказал Эдвин, поворачиваясь ко мне. – Дела их смертные не отпускают, а ты для них как светлячок во тьме.

– Как поэтично, – хмыкнула я, натягивая рукава шерстяной туники и кутаясь в широкий ворот.

Погода сегодня была немилосердна к жителям. Из-за близости моря в городе всегда было сыро и холодно, но утром казалось, что зима уже стучалась в окна домов, ознаменовав новый виток.

– В чайнике еще горячая вода, налей чай. Через час придет Серин, хочет поговорить со своей неупокоенной сестрой, – сказал Эдвин, возвращаясь к своему гробу и полностью теряя ко мне интерес.

И я пошла, понимая, что долг зовет.

Чайник на небольшой чугунной плите уже успел немного остыть, но едва различимая струйка пара продолжала мерно подниматься над узким носиком. Я плеснула себе полкружки горьковатого настоя и выпила залпом, обжигая горло. Эдвин покосился на меня с укоризной, но ничего не сказал, лишь кивнул на дверь, без слов говоря, мол, иди уже.

Вдова Кристофера жила в двух кварталах от мастерской, в низком доме с облупившейся штукатуркой, окна которого выходили прямо на причал. Крыша местами прохудилась и уверена внутри дома стоят деревянные ведра для сбора дождевой воды. Элоизе пришлось много денег потратить на похороны мужа, возможно, это были последние сбережения в этой семье.

Раздирающая ноздри и гортань рыбная вонь уже давно пропитала стены, вгрызаясь в каменную кладку, словно изголодавшийся по плоти зверь.

Я постучала в дверь и через минуту услышала шаркающие шаги.

– Кого там принесло в такую рань? – раздался хриплый женский голос.

Я прочистила горло, разгоняя легкую мокроту по стенкам, чтобы голос звучал звонче.

– Это Арабелла, помощница Эдвина, – громко ответила я, памятуя о том, что женщина была туга на левое ухо, плюс шум волн не играл мне на руку.

Дверь приоткрылась и на меня уставились воспаленные, карие глаза женщины лет сорока. Она выглядела так, будто не спала несколько дней и мой приход неприветливо выдернул ее из кокона скорби. Волосы вдовы были всклокоченными и нечесаными паклями, что свисали по бокам от осунувшегося, бледного лица. Под глазами залегли глубокие тени синяков.

В руках женщина сжимала край старого платка, будто он мог защитить ее от дальнейших ударов судьбы. Но насколько мне известно не понаслышке, судьба была глуха к мольбам.

– Пришли насчет Кристофера? – спросила она, и в ее голосе я услышала не только боль, но и что-то очень слабое, похожее на тонкий голосок надежды.

Многие в городке знали о моей магии и для тех, кто недавно потерял близкого человека мой дар был лучом света.

– Можно зайти?

Элоиза посторонилась, пропуская меня внутрь. В доме было темно, сыро и пахло горечью. Моя сила чувствовала давящую боль, расплзающуюся по комнате. Она черной тенью проникала в каждый закуток, каждый угол, просачиваясь и приживаясь. Боль была опасна. Она разъедала и туманила разум, заставляя человека истошно вопить собственном сознании, пока тело медленно умирало.

Вдова провела меня на маленькую, пыльную кухню, где на столе стояла недопитая кружка чая и лежал кусок хлеба с маслом. Элоиза плохо ела. Ее завтрак был начат и брошен.

– Вы нашли вещи Кристофера? – спросила женщина, усаживаясь на скрипучий, старый стул и кивком головы предлагая мне второй свободный.

Я осторожно присела.

Это место было таким хлипким, что казалось сильный порыв ветра мог унести его в море. Глаза Элоизы лихорадочно заблестели.

Плохой знак.

– Кристофер передал мне кое-что, – я достала из внутреннего кармана плаща небольшой кожаный мешочек, который вытащила перед уходом из ящика стола – подарок духа, оставшийся после его похорон. – Он просил сказать, что закопал несколько пригоршней медяков и серебра под старым дубом на северном склоне холма, сразу за церковной оградой.

Вдова Кристофера всхлипнула и прижала ладонь к губам:

– Он всегда говорил, что спрячет сбережения, чтобы я больше не работала в лавке...

– Он знал, что вы не верили в его записки, – мягко добавила я. – Но он копил не для себя. Он хотел, чтобы вам хватило на новую крышу, чтобы пережить суровую зиму.

Женщина разрыдалась. Она плакала громко, навзрыд, прижимая к груди мешочек так, словно это было самое ценное, что осталось у нее от мужа. Я не решалась прервать это горе. Оно было свежим, как морская вода, которую она глотала когда-то вместе с мужем на рыбацкой лодке.

Когда Элоиза немного успокоилось, я без особой радости приняла от нее плату. Эдвин не был скупердеем, однако считал, что любая работа должна быть оплачена. Он помогал мертвым обрести покой, а я в свою очередь дарила безутешным немного радости или ответов.

Мне нравилось использовать свой дар, помогая окружающим, однако... я все еще считала, что брать деньги за последние слова духов это грязно.

Эдвин же уверял меня, что даже мертвецы понимают ценность серебра в наше время. Мой дар помогал им и они считали, что несколько звонких монет это малая плата за подобное.

Несколько серебряных монет опустились на мою ладонь. Руки Элоизы тряслись, но она с какой-то непробиваемой уверенностью вложила плату.

– Спасибо, – свистящим, едва различимым шепотом произнесла Элоиза. И в голосе ее звучала не только скорбь, но и благодарность. – Не все понимают... что вы... вы. Кристофер говорил, что вы необычная девушка, что вы слышите тех, кто ушел.

Я сдержанно кивнула, не желая вдаваться в подробности. Эта женщина не была готова узнать, насколько сильно я отличалась от простых смертных. Она просто хотела убедиться, что мир не рухнул окончательно, что где-то там, за гранью, ее все еще помнил о ней.

Когда я вышла из дома вдовы морось стала сильнее. Морхолд тонул в серой пелене дождя, который не прекращался уже несколько дней. Город казался призраком самого себя - серые стены, серые улицы, серые лица жителей, которые двигались, как призраки, стараясь не смотреть на море и на небо.

Я вернулась в мастерскую, когда Эдвин как раз отставил свой рубанок. Неуспокоенная сестра Серина уже ждала меня в комнате для встреч с просителями - так мы называли маленькую каморку, где я обычно общалась с теми, кто приходил просить связи с мертвыми. Это было чистое место, с простым деревянным столом, двумя стульями и лампой. Лампа представляла собой стеклянную чашу, в которой мирно спал светящийся комок магии.

Серин - сутулый мужчина с редкими волосами, одетый в поношенный сюртук - поднялся при моем появлении и нервно посмотрел на меня.

– Госпожа Арабелла, я... я не знал, что делать, – неуверенно заикался Серин. – Моя сестра умерла две недели назад, но я каждую ночь слышу, как она плачет в своей комнате.

Я кивнула, предложив ему сесть. Прикрыв глаза, я сосредоточилась, протягивая нить своей магии через темноту к тому краю, где обитают души. Всегда так делала перед началом разговора с неуспокоенными, стараясь успокоиться самой и создать защитный контур.

– Расскажите мне о ней, – попросила я, открывая глаза. – Как ее звали и что с ней случилось?

– Лия, моя младшая сестра, – голос Серина шумно сглотнул. – Она была... она была не от мира сего. Могла видеть вещи, которые другие не замечали, заговаривала с теньями. Люди шептались, что в ней есть что-то... злое. Она утонула в реке за неделю до своей свадьбы. Все думали, что это несчастный случай, но каждую ночь я слышу, как она зовет меня по имени и плачет.

Я почувствовала, как воздух в комнате изменился. Стало тяжелее дышать, холод ознобом прокатился вдоль моего позвоночника. Это было не просто горе. В нем притаилось что-то мстительное и густое, как зловоние гноя и разложение.

– Вы принесли какую-то вещь, которая принадлежала вашей сестре? – сглотнув, спросила я, готовясь к обряду призыва.

Серин потянулся во внутренний карман и вытащил медальон на потертой цепочке. Внутри была маленькая прядь светлых волос и высушенный цветок. Я не смогла различить, что это было за растение, но напоминало лепесток розы.

Я взяла медальон в руки, чувствуя, как от него исходит слабая пульсация - след чужого присутствия. Мой дар откликнулся на это прикосновение, и в комнате начало расти давление, как перед грозой.

– Хорошо. Сядьте туда, в угол, – сказала я Серину. – И чтобы вы ни слышали или ни увидели, не перебивайте меня, не двигайтесь и не дышите слишком громко.

Мужчина послушно отсел на стул, и я осталась одна с медальоном в руке. Я сжала его между ладонями и прошептала слова призыва, которым когда-то давно меня учил дедушка. Внутрь меня поднялась волна силы - темная, тягучая как патока.

Комнату наполнил запах речной воды и тины. Огонек силы в чаше боязливо дернулся, и тень на стене начала расти. Она становилась все длиннее и темнее, пока не обрела очертания девушки. Молодая, с растрепанными светлыми волосами, в промокшем платье, она стояла, опустив руки вдоль тела. Ее глаза были открыты, но в них не отражался ни этот свет, ни этот мир.

– Лия, – позвала я негромко. – Лия, ты здесь?

Дух медленно повернул голову в мою сторону. Ее губы шевельнулись, и я услышала голос, который шел не извне, а откуда-то из глубины комнаты.

– Мои кости лежат не там, где положено.

Глава 2

Голос Лии не прозвучал в комнате. Он возник внутри моей головы - глухой, влажный, будто кто-то говорил из-под толщи речной воды.

Серин резко дернулся на стуле.

Я вскинула руку, призывая мужчину к молчанию. Пальцы дрожали, но не от страха. Страх я уже давно научилась прятать глубоко внутри себя - туда, где он не мешал думать. Сейчас помешать могла лишь паника, растущая звонким пузырем в груди Серина.

– Не двигайтесь, – повторила я шепотом. – И не перебивайте.

Мужчина трясущейся рукой зажал рот с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

Тень Лии на стене качнулась. Ее мокрые волосы прилипали к щекам, вода тонкими струйками стекала по платью и исчезала у подола, не оставляя следов на полу. Дух не смотрела на Серина. Ее бесцветные глаза были направлены прямо на меня.

– Где лежат твои кости? – спросила я.

Лия медленно подняла руку.

Сначала я решила, что она указывает на дверь, но ее пальцы прошли сквозь стену и остановились где-то за ней - в стороне старого речного русла, что начиналось на восточной окраине Морхолда и впадало в море. Река была мелкой, грязной и почти черной. Местные называли ее Вдовый поток. Весной она разливалась так сильно, что вода подбиралась к первым домам, а в засушливые месяцы обнажались корни деревьев и куски ржавого металла.

– Вода забрала не все, – прошептала Лия.

Серин тихо всхлипнул.

– Лия...

Дух повернула голову к нему. Тень на стене вытянулась и на шее девушки проступили темные полосы. Не синяки от удара, а следы пальцев. Четкие, грубые и безвозвратные. Слишком широкие для пальцев женщины.

Я почувствовала как защитный контур вокруг комнаты задрожал. Когда имеешь дело с призраками неуспокоенных всегда можно натолкнуться на что-то агрессивное и злое. Поэтому, когда я начала работать на Эдвина, то использовала чары, чтобы обезопасить это место. Мастерская была всей жизнью для старика и мне бы не хотелось, чтобы здесь свершилось что-то непоправимое.

– Кто это сделал? – спросила я Лию.

Дух посмотрела на меня.

Ее губы разомкнулись, но вместо ответа изо рта хлынула темная вода. Она стекала по подбородку, капала на пол и собиралась у моих сапог, касаясь закругленных носов. В комнате резко запахло тиной, мокрой глиной и железом.

Серин закашлялся.

Я сжала медальон сильнее.

Физические проявления смерти были не редкостью, однако столько сильный импульс был у меня впервые.

Обычно все заканчивалось закрывающимися ставнями или разбитой кружкой.

– Назови его имя.

Дух дернулась, будто невидимая рука с угрозой дернула ее в сторону. Тень на стене пошла рябью.

Плохой знак. Очень скверный, который мог стать проблемой.

– Он слышит, – испуганно прошептала Лия. Девушка озиралась по сторонам, словно живая.

Кто способен так перепугать мертвеца?

Дух сложно напугать, но девушка была в ужасе передо мной и даже ее блеклые, бесцветные глаза сейчас наводнил животный ужас.

В углу комнаты что-то скрипнуло. Серин вздрогнул так сильно, что стул под ним зашатался.

Я не обернулась, смотреть было не нужно. Моя сила уже чувствовала чужое присутствие. Оно было холодным, липким и голодным. Оно не походило на обычную душу. Не было в нем ни тоски, ни сожаления, ни человеческого страха перед забвением.

Это неуспокоенное существо не хотело говорить. Оно лишь желало, чтобы Лия замолчала.

– Кто слышит? – спросила я.

– Тот кто оставляет цветы на воде.

Я перевела взгляд на засушенный лепесток внутри медальона. Он был не розовым. Теперь когда магия развеялась по комнате, я видела его яснее. Лепесток имел почти черный край, а по центру проходила багровая прожилка.

– Это был его подарок?

Лия кивнула.

– Он обещал мне свадьбу.

Серин побледнел. Холодный пот стекал по его узкому лицу, собираясь в воротнике серой рубашки, делая ткань темнее. Губы мужчины дрожали, а глаза испуганно бегали из стороны в сторону.

– У Лии не было жениха, – выдохнул Серин. – Но она была уверена, что выйдет замуж.. через неделю после... после... своей смерти.

Ранее он говорил, что она умерла за семь дней до своей свадьбы.

Мертвецы не лгут, а вот живые любили грешить изменчивостью.

– Значит, кто-то был, – кивнула я, недовольно поджав губы.

Дух снова дернулась. За ее спиной тень стала гуще, будто из углов комнаты к ней потянулось несколько длинных черных рук.

Я подняла ладонь и заставила магию вспыхнуть.

Синие искры пробежали по защитному кругу. Чужое присутствие отшатнулось, но не исчезло. Оно оставалось за пределами света.

Какое терпеливое зло.

– Лия, где он держал тебя?

Дух подняла руку и указала вниз.

Вряд ли она указывала на пол.

Место явно было глубже.

– Под камнями.

– Под какими?

– Так, где молятся тем, кто не отвечает.

В комнате стало холоднее. Морозный воздух вонзился в мое тело, заставляя дрожать.

Серин судорожно втянул воздух.

– Старая часовня? – спросил он. – У реки есть заброшенная часовня Святого Эдмунда. Но туда никто не ходит, там недавно обвалился пол.

– Ты был там? – я резко повернулась к Серину.

– Нет... Я... я слышал о ней.

– А Лия?

Серин виновато опустил глаза.

– Она часто ходила к реке. После смерти родителей она стала странной. Говорила, что видит людей под водой, что они зовут ее.

– И ты решил что она сошла с ума?! – мой гнев klokотал где-то в горле, нороваясь вырваться наружу.

Мне хотелось ударить этого идиота.

Магия не была редкостью в нашем мире, отголоски ее влияния мелькали то здесь, то там. Мой отец повелевал водой, правил целым королевством, но некоторые... до сих пор считали, что чары это зло и что все неугодное нужно искоренять.

Перепуганные индюки и то были смелее перед забоем.

– Она была моей сестрой! – оскорбленно воскликнул Серин и тут же осекся, вспомнив мой приказ молчать. – Я пытался ей помочь. Водил к повитухе Мирте, к священнику, даже к травнику за северными воротами. Она никого не слушала.

– Кроме того, кто обещал ей свадьбу.

Серин закрыл лицо руками. Руки его дрожали.

Лия повернулась к брату. В ее взгляде не было обвинения, только мертвенная усталость.

– Ты привел меня к нему.

Серин резко поднял голову.

– Я не понимаю.

– Ты отвел меня к воде.

– Я никогда...

Дух зашипела, как взбешенная кошка, которой отдавили хвост. И в тот же миг лампа на столе погасла. Темнота накрыла комнату. Серин вскрикнул. Я почувствовала, как что-то коснулось моего плеча.

Ледяные пальцы.

Не призрачные, почти осязаемые.

Я не стала оборачиваться. Вместо этого провела большим пальцем по черным бусинам на запястье и прошептала короткое слово на языке Некрополиса.

– *Much!* (*Исчезни!*)

Бусины нагрелись. Чужая рука отдернулась, словно ее обожгло. В темноте раздался глухой хлопок, будто кто-то захлопнул пыльную книгу. Затем послышалось шипение – злое, сдавленное и... человеческое.

Я резко повернула голову. В дальнем углу стояла фигура. Она не имела лица, только провал, окруженный мокрыми прядями волос. На груди темнело пятно, похожее на кровь. Влага растекалось по мокрой рубашке, багровые капли собирались в тонкие струйки и медленно, словно издеваясь стекали вниз по торсу.

Я сжала медальон. Он грубо впивался в нежную кожу ладоней, заставляя меня стискивать его с каждым стуком сердца сильнее.

– Кто ты?

Фигура наклонила голову.

– Не зови ее.

Голос был незнакомым и мужским.

Серин задрожал.

– Это он...

Фигура шагнула вперед. Защитная черта не позволяла ему пересечь комнату. На мгновение я увидела длинное пальто, мокрые рукава и серебряное кольцо на правой руке.

На кольце был вырезан цветок с пятью лепестками. То же растение, что лежало внутри медальона.

– Ты убил Лию? – тихо, но упрямо спросила я.

Фигура улыбнулась, если может улыбаться темный провал вместо лица.

– Она сама пришла.

– Где ее тело?

– Там, где все возвращаются к своим корням.

Я почувствовала, как под ногами жалобно застонали доски. Вода, растекавшаяся по полу, начала собираться в одну тонкую линию. Она поползла к двери, оставляя за собой блестящий, переливающийся след.

Лия протянула ко мне свои призрачные руки.

– Найди меня.

– Найду.

– Не верь воде...

Фигура за защитным кругом резко дернулась, и его очертания начали распадаться.

– Не вмешивайся, некромантка.

Я резко подняла голову и упрямо вскинула подбородок.

– Слишком поздно.

Магия вырвалась из меня быстрее, чем я успела ее остановить. Она ударила в центр тени, разрывая ее на черные клочья. Комнату наполнил протяжный вопль, от которого задрожали стекла и стены.

Лия исчезла первой. Следом в воздухе растворилась чужая фигура. Вода на полу высохла за несколько кратких вдохов, оставив после себя серый налет.

Я тяжело опустилась на стул.

Это столкновение с темной магией сильно потрепало меня. Давно я не практиковалась атаковать, стоило бы задуматься над этим. Но Морхолд был практически сонным городом, здесь самое страшное, что случалось кража скота или спор чей был улов, но никак не убийства.

Пальцы покалывало. В груди жгло, будто я наглоталась дыма. Слишком много силы для одного простого призыва. Дедушка всегда предупреждал: некромант не должен удерживать сразу две души, если не хочет, чтобы они начали рвать его изнутри.

Я посмотрела на медальон. Цепочка в моей руке почернела.

– Что это было? – загнанно спросил Серин.

– Это был тот, кто не хочет, чтобы вы поговорили со своей сестрой.

– Он был человеком? – страх в глазах мужчины было невозможно не заметить.

– Когда-то.

Мужчина тяжело сглотнул.

– Вы можете мне?

Я посмотрела на Серина.

Он выглядел жалко – мокрые глаза, дрожащие руки, небрежно застегнутый сюртук. Но в его горе было что-то неправильное, слишком много страха и слишком мало удивления. Когда Лия обвинила его, Серин испугался не слов сестры, а того, что я могу ей поверить.

– Я помогу Лии, – ответила я. – А вот сможете ли вы помочь мне зависит от того, что именно произошло в ночь ее смерти.

Серин отвел взгляд.

– Я уже все рассказал.

– Не врите мне в глаза.

– Я... я не знаю, что еще добавить.

– Тогда начнем с простого. Почему вы сказали, что Лия утонула в реке, если ее кости лежат под камнями?

Серин замолчал.

За стеной послышались шаги Эдвина. Старик приближался к комнате, тяжело опираясь на трость. Он вероятно услышал шум и решил проверить, не спалила я его мастерскую вместе с просителем.

Серин вскочил.

– Я не убивал свою сестру!

Я раздраженно качнула головой.

– Это не мои слова.

– Я не убивал! – повторил Серин громче. – Я только... я только отвел ее к часовне.

Дверь открылась. Эдвин показался на пороге, хмурый и взъерошенный.

– Что здесь произошло?

Я осторожно поднялась со стула. Неожиданный выброс магии сделал меня медлительнее и сонливее. Было бы неплохо немного поспать, но что-то подсказывало в ближайшее время это будет невозможно. Гневливый, дробящий звук все еще стучал в голове, заставляя ее гудеть.

– Лия утверждает, что ее тело находится в старой часовне Святого Эдмунда.

Эдвин перевел взгляд на Серина.

Старик побледнел. Руки его испуганно задрожали.

– В часовне? – переспросил Эдвин, словно от повторного вопроса ответ изменится.

– Ты знаешь это место? – спросила я старика и он недовольно поджал губы.

– Знаю.

– Тогда расскажи, как туда добраться.

Эдвин упрямо скривился и качнул головой.

– Нет.

Ответ прозвучал так быстро и резко, что я не успела возразить.

Эдвин вошел в комнату и закрыл дверь.

– Ночью туда не ходят.

Я перевела взгляд в окно. До заката было еще несколько часов. Небо хмуро заволокло свинцовыми тучами, закрывая даже намек на солнечный свет. Казалось бы обычный день в мастерской гробовщика. Кто бы мог подумать, что он закончится выбросом магии и вмешательством с того света.

– Сейчас еще день.

– В Морхолде день заканчивается раньше, чем в других местах.

– Это не аргумент.

Эдвин цедил слова в час по чайной ложке, ровно отмеряя любую информацию.

– Там пропадали люди.

Серин сжал кулаки.

Я удивленно посмотрела на старика, пытаясь собрать всю картинку в своей голове.

– Лия была не первой... – пораженно прошептала я, – сколько их было?

Старик тяжело вздохнул и потер ладонью седую щетину на подбородке.

– За последние полгода - четверо. Все девушки. Все незамужние и исчезли возле реки.

Внутри меня что-то неприятно сжалось.

Полгода.

Ровно столько, сколько я жила в городе.

Я приехала сюда в начале весны, когда море еще выкидывало на берег куски льда, а туман плыл над улицами так густо, что прохожие казались бесплотными тенями. Эдвин принял меня почти сразу - не расспрашивал о семье, не интересовался, откуда я знаю древние заклинания и не задавал лишних вопросов о Некрополисе.

Все некроманты были родом оттуда или несли в себе кровь этого мрачного королевства смерти.

Я думала, что мне просто повезло.

Теперь это везение начинало казаться слишком похожим на чей-то расчет.

– Почему ты ничего мне не рассказал, – спросила я у Эдвина.

– Потому что ты приехала в Морхолд такой юной и едва успела привыкнуть к местным порядкам.

– И потому что я могла оказаться следующей?

Эдвин посмотрел на меня. В его молчании был ответ.

Серин медленно отступил к двери.

– Я должен идти.

– Куда?

– Домой.

Я насупила, пытаюсь понять странную логику этого бесхребетного и напуганного человека.

– Вы же хотели поговорить с сестрой. Теперь она дала нам след. Мы должны отправиться к часовне до темноты.

Серин потерял весь цвет в лице, приложи к нему платно и оно будет ярче мужчины.

– Я не пойду.

– Почему?

– Потому что она сказала, что я привел ее туда.

Голос Серина сорвался. Я внимательно посмотрела на него.

– Ты не помнишь, как это произошло?

– Помню, - сглотнув, признался Серин. – Но все было не так.

Я постаралась придать своему голосу бархатистую и успокаивающую мягкость. У дедушки лучше получалось договариваться. Мы же с бабушкой были людьми действий, предпочитая сначала добиваться ответов, а потом уже думать о других вариантах. Мне рассказывали, что моя мать была такой же.

– Тогда расскажи мне, чтобы я могла помочь твоей сестре успокоиться.

Серин нервно вытер лицо рукавом сюртука.

– В день ее смерти ко мне пришел человек. Я не знал его имени. Он сказал, что Лия должна встретиться с тем, кто поможет избавить ее от голосов. Я сначала отказался. Но она... она умоляла меня. Сказала, что больше не выдерживает, что каждую ночь мертвые зовут ее по имени.

Духи редко могли связываться с простыми смертными, необходимо было иметь хоть немного крови жителя Некрополиса, чтобы слышать их голоса. Если Лия страдала от призраков, что понимали ее, то скорее всего она частично принадлежала моему народу. Она была некромантом, как и я.

– И ты отвел ее в часовню?

– Он ждал нас у реки. У него было кольцо с цветком.

Я мельком взглянула на медальон.

– Что потом?

– Он велел мне уйти. Сказал, что обряд займет несколько часов и я... я оставил Лию там.

– А утром она утонула?

– Ее нашли у берега. Священник не позволил мне взглянуть на тело, сказал, что его слишком повредило водой и лучше не открывать гроб.

В комнате стало слишком тихо.

Я вспомнила слова Лии.

“Мои кости лежат не там где положено”

Она не была похоронена. Кто-то спрятал ее тело.

– Эдвин, где находится часовня?

Старик ответил не сразу.

– За Вдовьей рекой, возле старого моста. До часовни около часа пешком.

– Тогда нам нужно идти.

Я уже собиралась покинуть комнату, когда Эдвин сжал мою руку, останавливая.

– Ты не понимаешь, Арабелла...

– Напротив, я начинаю понимать слишком многое.

Я убрала медальон во внутренний карман плаща и поправила браслет из бусин на запястье.

Эдвин посмотрел на меня с раздражением, за которым пряталось беспокойство.

– Ты не можешь пойти туда одна.

– Я не одна, со мной пойдет Серин.

Эдвин с какой-то небрежностью посмотрел на мужчину.

– Он испуганный лжец.

Серин вздрогнул.

– Я не лгал!

– Докажи, что ты хотел помочь сестре, отведи меня к часовне.

Эдвин закрыл глаза, будто у него начала болеть голова.

– Арабелла...

Я уже открывала дверь.

За порогом меня встретил холодный морской ветер. Он принес с улицы запах водорослей, мокрого камня и чего-то сладкого.

На противоположной стороне улицы, у лавки Гастека, стояла девушка в светлом платье. Ее волосы были мокрыми и прилипали к лицу. Я моргнула и видение исчезло.

На камнях осталась только черная капля воды.

Я медленно сжала рукоять ножа под плащом.

Лия не хотела, чтобы я просто нашла ее тело. Она желала, чтобы я узнала, кто собирает мертвых девушек у реки. И судя по тому, как холод постепенно поднимался от земли тот, кто делал это, уже знал о моем вмешательстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.